

ми, центральный банк реагирует на фискальную политику правительства, изменяя текущий объем денежной массы либо траекторию будущего роста денежной массы (будущую инфляцию).

В случае если будущая инфляция остается постоянной, увеличение текущего (либо будущего) бюджетного дефицита влечет за собой необходимость увеличения текущего (будущего) объема денежной массы. При постоянном объеме денежной массы монетарным властям необходимо повышать уровень инфляции в будущем. Обобщая вышесказанное, можно отметить, что повышение будущего бюджетного дефицита влечет за собой либо одномоментное повышение объема денежной массы (и соответственно уровня цен), либо увеличение будущего объема денежной массы (рост инфляции).

В то же время вторая версия фискальной теории определения уровня цен подчеркивает, что только фискальная политика может определять будущий рост инфляции вне зависимости от роста денежной массы. Если в первом случае мы предполагали фискальное лидерство, т.е. именно правительство делает первый шаг, определяя бюджетный профицит (дефицит) и заставляя центральный банк делать ответные шаги, то вторая версия предполагает, что и фискальная, и монетарная политики являются доминантными, т.е. действуют независимо друг от друга. Исходя из бюджетного ограничения, правительство определяет первоначальный уровень цен. При фиксированной денежной массе увеличение дефицита становится причиной повышения цен, снижая реальную стоимость государственного долга и обеспечивая платежеспособность государства. Однако реализация на практике данного теоретического предположения вызывает большие сомнения вследствие наличия множества ограничений.

Таким образом, несмотря на отдельные спорные моменты фискальной теории определения уровня цен, можно отметить достаточно четкое обоснование того, что инфляция не является только прерогативой центрального банка, а зависит в том числе и от действия фискальных властей. Этот вывод должен приниматься во внимание при разработке моделей взаимодействия правительства и центрального банка при проведении общей стабилизационной политики в государстве, особенно в кризисных условиях развития мировой экономики в настоящее время.

*О.Г. Буховец, д-р ист. наук, профессор
БГЭУ (Минск)*

О МИРОСИСТЕМНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Разразившийся в 2008 г. мировой кризис по совокупности признаков, даже при том, что далеко еще не достиг «дна», уже признан самым беспрецедентным по глубине и масштабам со времени Великой депрессии 1929—1933 гг. Но при всей незавершенности нынешнего кризиса

он уже успел сделать наблюдаемыми некоторые принципиально важные для понимания современного мира феномены. По своей природе они весьма разнообразны и выступают маркерами развернувшихся в конце XX — начале XXI в. системных процессов и явлений в глобальном контексте.

Если положить в основу группировки этих феноменов их качественную специфику, то одни из них самым убедительным образом свидетельствуют о драматическом убывании *социального капитала* в странах Запада, которые десятилетиями позиционировали себя как раз «депозитариями» этого капитала. Оказалось, что приверженность общества и государства к игре по гласным и негласным правилам, прозрачность бизнеса, честность, взаимность и выполнение взятых обязательств, т.е. все то, по поводу чего государства «золотого миллиарда» регулярно подвергали «аудиту» остальной мир — в остром дефиците и у самих «аудиторов». В частности, гигантские объемы транснационального систематического завышения ликвидности, феноменальная «результативность» деятельности финансовых «потрошителей» — МэдOFFа, Стэнфорда и прочих, сериальные истории по сокрытию доходов в странах «налогового рая», циничное «отдаивание» американских налогоплательщиков менеджерами «AIG» и других компаний США и Европы — что может быть еще более красноречивым подтверждением тому?! Когда Ф.Фукуяма десять лет назад предупреждал о том, что за дефицит социального капитала, имеющего денежную «осязаемую стоимость», обществам «приходится платить...дорогую цену», он вряд ли представлял, как скоро и *насколько буквально* сбудется его предупреждение...

Должного осознания в мире не находит пока и такой аспект нынешнего кризиса, как резко изменившееся соотношение аргументов pro et contra в споре между англосаксонской и европейско-континентальной экономическими моделями. Ведь под знаком этого спора прошла большая часть XX в. и происходящее сейчас дает очень весомые новые аргументы в пользу последней (ее называют также «рейнско-континентальной»). Именно свойственная ей ориентация на категории *долгосречной* производственно-инвестиционной *стратегии* при известной регулирующей роли государства обеспечила экономикам стран «старой» Европы заметно большую «устойчивость» в океане современного кризиса. Напротив, базовая установка англосаксонской модели на значительно меньшее воздействие государства на экономические процессы, ее нацеленность на немедленное получение наибольшей финансовой отдачи благодаря свободной игре частных экономических агентов обернулась куда большей глубиной и масштабами кризиса. Особенно жестокие потрясения испытывают экономики ангажировавшихся в англосаксонскую модель стран «старой» и «новой» Европы. К примеру, демонстрировавшие в предыдущие годы завидную экономическую динамику балтийские и кельтский (Ирландия) «тигры» переживают ныне катастрофическое снижение показателей роста. А Исландию, Венгрию, Румынию, Латвию от дефолта спасает практически только помощь междуна-

родных финансовых институтов. В ситуации кризиса правительство США — главного столпа англосаксонской модели — резко переходит к этатистской политике, поначалу взывая, а затем и жестко требуя от руководителей бизнеса эффективности, социальной ответственности и полной финансовой транспарентности. А его рекомендации Евросоюзу радикально увеличить объемы финансовых средств для преодоления кризиса многих руководителей ЕС настолько шокируют, что они, отбросив дипломатические условности, даже называют это «дорогой, ведущей мировую экономику в ад»...

Подобно тому, как в последние годы поражения и неудачи США в Латинской Америке и Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе свидетельствовали о военно-политической слабости американского «боссизма», так и нынешний кризис, выявивший пороки американской финансовой системы, дает мощный импульс к дальнейшей плюрализации путей экономического развития в глобализирующемся мире. И в данном отношении настоятельные призывы Китая, России, Беларуси, Казахстана и других стран отказаться от эксклюзивной роли доллара в мировых финансах — лишь начало. Предложения о переходе к подлинно *международному* платежному средству в ближайшие годы будут множиться и крепнуть.

*Е.В. Быстрова, канд. экон. наук, профессор
Институт экономики и управления (Силламяэ, Эстония)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДУЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В условиях мирового финансового кризиса усиливается ответственность специалистов за принятие управленческих решений, последствия которых проявляются в более гипертрофированной форме, чем ранее. Например, в Эстонии ежемесячно терпят банкротство примерно 35—40 фирм. Большинство решений должны приниматься в сжатые сроки, поэтому в ряде случаев наблюдается приоритет своевременности над точностью. Это потребует от молодых специалистов не только сфокусировать свои знания, но и достигать их синтеза, что в условиях недостаточности опыта затруднительно. Поэтому при подготовке студентов необходимо учитывать условия сжимающегося рынка труда и готовить специалистов, обладающих не только определенным набором знаний и умением их применять в условиях нестабильной экономики, но и понимать необходимость постоянного обновления знаний.

В рамках Болонского процесса происходит кардинальное реструктурирование европейского образования. Его цель: сориентировать учебные заведения на учет потребностей рынка труда. Такую возможность представляет *модульное обучение*, которое позволяет гибко строить обучение, выбирать различные виды и формы обучения, наиболее подходи-

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.